Виталий КОРОЛЕВ

ЕВРЕИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СИМФЕРОПОЛЯ

Можно прожить жизнь в родном городе, так и не познав его до конца. Нечто подобное случилось и со мной. Будучи уже преклонных лет, както в перестроечный период оказался на симферопольской Украинке, что за белокаменным вокзалом: большая бедная деревня, пока еще без домов-дворцов-крепостей с высокими дувалами. Мода на них приедет позднее из Узбекистана. Пока что низкие саманные домишки с железнодорожным людом: путейцами, кондукторами, стрелочниками, сцепщиками, проводниками. Улицы под стать: Станционная, Семафорная, Локомотивная, Сигнальная, Машинистов. При разгуле крымского бандитизма объявились здесь и крупные авторитеты с замысловатыми разборками и автоматными очередями. Спускаясь с горки, попал на улицу Широкую. По одной стороне тянулся длинный обшарпанный забор. За ним угадывался пустырь. При той земельной тесноте — пустырь вызвал недоумение. Шлепавшая по слякоти старушка, в глухом платке с палкой и собачонкой, словоохотливо поведала: «Евреи это, милок, евреи. Кладбище ихнее, вона и ворота были, катафалка ездила, раввин ходил, сторожа держали. А теперь...», — махнув рукой, бабуля поправила платок, переложила палку, подав собаке знак.

День был осенний, тоскливый, тусклый. Серые тучи неслись вплотную над дорожной грязью, накрапывало. Внезапно представились скрипящие врата, высокий катафалк с укрытым траурной попоной мерином, горстка семенящих людей в темных одеждах с опущенными головами. Стук лопат и два камня, возложенные старческой рукой на холм кормильца.

Движимый любопытством, заглянул в просвет на месте бывших ворот с башенками. Конца не видно, территория большая. Но ведь и евреев в Симферополе было достаточно. Гонимые из Византии, в Крыму они явились задолго до татар. Почувствовали себя уютно в столь благодатном крае. Кругом кочевники хазары с налетом дикости и простоты. А здесь искусные торговцы, книжники и денежные люди. Хазары и сами не заметили, как оказались в иудействе. Со временем таврических евреев пополнили их беглые собратья из Киева, Литвы. Эмиры, беи и мурзы любили потрясти столь состоятельных сограждан, порой настолько, что ханы, дабы жилу не истощить, не раз писали специальные указы-ярлыки в защиту.

В многонациональном слоеном пироге Симферополя еврейский пласт был выразителен. Даже улицы свои. Одна из первых — Жидовская, затем Еврейская, Крымчакская. Огромный двор на Пушкина, 6, где жили мы, с его кривыми закоулками и тупиками, евреи не обошли. Они здесь обитали всякие: состоятельные и победнее (нищих не встречал), умные и заурядные (глупых не видел), благодушные и скандальные (в основном женщины).

Из умных и состоятельных выделялся доктор Бру. Знала его почти каждая симферопольская мамаша. Абрам Яковлевич был детский врач. Жил в глубине двора (квартира сохранилась), на втором этаже с большой резной верандой под стеклом. Носил пиджак с цепочкой и шляпу. Роста выше среднего, с животиком. Ходил степенно, мелкими шажками, возможно, из-за малого размера обуви. Лечил любых детей, причем удачно. Моя покойная тетушка, профессор, одна из основателей научной педиатрии Крыма, была о нем высокого мнения.

Как-то попал в его объятия и я. Худой заморенный мальчишка стал подозрительно упорно кашлять. Помню, как в кабинете мама, присев на уголок стула, слегка подтолкнула меня — и я попал в большие мягкие руки. Потискав ухо, доктор вытянул рубашонку из-под ремешка штанов, закрутил ее к шее и, заложив в мои кисти, сказал, отвлекая внимание: «Держи крепко». Пальцы быстро прошлись по торчащим ребрам, попрыгали и постукали. Из кармана появилась тонкая деревянная трубочка с большим и малым расширением — «граммофончиками» на концах. Слушал долго: «Дыши — не дыши». Затем руки в белоснежном халате, взяв за плечи, начали задумчиво крутить, а большие внимательные глаза просвечивали насквозь, как под рентгеном. «Бронхоаденит, услышал я. — Ничего, поправимся». Имея список внушительных рецептов, мы удовлетворенные покинули кабинет.

Другой еврей, из бедных и обделенных, жил на краю двора, в пристройке, вросшей в землю. Это был старый глухонемой сапожник Нёма. В низкой закопченной комнатушке весь день горела лампа над верстаком. Бледный, худой, обросший щетиной старик работал с утра до вечера с коротким перерывом на обед. К нему носила обувь вся округа. Бывали здесь и мы. Низкий сапожный стол всегда завален инструментом: фигурные кривые молотки, разборные колодки, съемные лапки, отточенные острые ножи, цыганские иглы, шило, дратва, кусочки кожи и картона, конечно, гвозди в жестянках из-под конфет. У ног — вонючий сапожный клей и жидкий иссиня-черный гуталин. Беря протянутую обувь, Нёма желал ее уничтожения. Он гнул и ломал подошву, пытался отодрать старые набойки, вставлял пальцы в носок, раскручивая наметившиеся дыры. Установив диагноз, вставал и, тыкая изделие под самый нос клиента, начинал мычать. Пальцы упорно потрошили рвань. «Ммы..., Ммы..., Ммы», — Нёма самовозбуждался, изо рта летели брызги. Опытный посетитель обычно сразу кивал головой, и Нёма мгновенно успокаивался. Он садился за свой низкий с ремешками табурет и брался за мелок. На обуви появлялись крестики, кружочки, кривые линии. Затем опять раздавалось мычание, и пальцы показывали цену. Все соглашались. Мастер брал недорого. Как-то мама разговорилась с соседкой, принесшей туфли, а я смотрел на работу. Шило быстро, точно входило в подметку. Старик виртуозно вгонял два ряда деревянных шпилек в крошечные отверстия. Оказывается, на шпильках подошва держалась лучше, чем на гвоздях и не колола ногу. Забытая технология.

Вскоре, после прихода немцев Нёма исчез. Выйдя на улицу, неграмотный глухой старик и не подозревал, что надо цеплять на грудь желтую звезду Давида. Его забрали полицаи.

...Не осмотреть загадочный погост было нельзя. Через пролом в стене проник на территорию. Представились мрак и запустение — традиционный ментальный вандализм: разрушенные и раскиданные надгробья. Ямы, отбросы и другие неприглядные картины человеческого бескультурья. Все, что было ценно, уже унесено. Остались только каменные плиты обычного крымского известняка. На некоторых — разбитые мраморные врезки. С трудом прочитывается истертое дождем, снегами, временем: Фрума Нахама Веруховна Аткина, Ицках Лейб Борухович Фурман...

Именная классика, генеалогическая геральдика, вряд ли представляемая нынешним поколением. Пытаюсь выяснить даты. Попал на участок гражданской войны. Герша Мееровна Файворович-Тенкелевич — 1919, Моисей Соломонович Пиастре — 1921, Гевель Шмуиловна Рубинчик — 1920, Шолом Яковлевич Берман, он же раввин (неразборчиво, — 1918). Этель Гринберг, Сима Шеерман, Ицхона Фастовбного, Абзиц Юдовичлинбах... Все те же даты.

Гражданская война. Самая яростная и беспринципная. Сражаться люди наловчились давно, но додуматься до женских батальонов смерти?.. Натерпелись все. Однако, евреи больше. К фактору социально-экономическому прибавился национальный. Трехсотлетняя эпоха Дома Романовых не жаловала инородцев, особенно еврейского клана. Генетически крепкий народ, отобранный на выживание, умел прибыльно торговать, красиво мастерить, удачно занимать деньги, образно говорить. Это было конкурентно. Формулу приняли сдерживающую. За небольшим исключением принижать и унижать. Илья Ильф в своих во многом грустных «Записных книжках» упомянул: «Он посмотрел на меня как царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь может смотреть на бедного еврея?».

А по сему, когда виток мировой истории, склонной повторяться, схлестнул в очередной раз аристократию и чернь, выбрав для этого бескрайнюю Россию, ущербные еврейские вожди охотно ввязались в драку. Во что это обойдется своему народу — они не прикинули.

Революционные красноармейцы и матросы, умело подогреваемые главвоенкомом и скрытым идеологом иудаизма Львом Давидом Троцким (Лейба Бронштейн) с сотоварищами, крушили дворцы и храмы, жгли барские усадьбы, растаскивали именья, не пропуская барышень, гувернанток и их маман. В ответ, зная кто это направляет, деникинские офицеры, чьи родовые гнезда гибли на глазах, рассчитывались с еврейскими местечковыми красавицами, пристреливая в придорожных кюветах их растерянных отцов. В подмогу русским объявились украинские братья. Известный борец за самостийность Симон Петлюра, развешивая евреев и коммунистов на фонарях, увлекся так, что сам, в отместку, схлопотал пули от еврея по фамилии Шварцбард. Другой герой украинских степей с могучей

шевелюрой и непонятной ориентацией Нестор Махно, гоняя пулеметные тачанки по необъятным ковыльным просторам, вселял леденящий ужас в обитателей местечковых поселений. Универсальный лозунг «Бей жидов, спасай Россию» сколь краткий, столь и действенный, устраивал многих.

...Однообразный кладбищенский фон немного скрашивала полуразрушенная стела, отдельно стоящая на возвышении. Она не вписывалась в типичную архитектуру памятников. Каменотес здесь явно был не свой. Уже издалека у основания легко читалась надпись: «Расстрелянные белогвардейцами после жестоких пыток 6 мая 1920 г.». Труднее разбирались блеклые фамилии на самой колонне. Однако вблизи нечеткие буквы легко сложились в известные для города имена.

...Примерно сто лет назад в провинциальном Симферополе имелись две улицы, в названия которых вплелась интрига: 2-я Будущая и Султанская. Что подразумевало второе будущее? Где же те султаны? Копнув историю, однако, узнаем, что всевидящее око Константинополя в Ак-Мечети, родительницы Симферополя, — присутствовало. Калга-султан зорко присматривал за немногочисленными жителями, не забывая и ханов в Бакче. Очевидно, отсюда и уличный султанский след.

До революции наш городишко был невелик. Две улицы-загадки в ста шагах от центра. Возможно, по ним ходили или бегали две девочки, не думая — не гадая, что в недалеком будущем это их улицы. Фани Шполянская и Женя Жигалина — вот имена, начертанные на обелиске. Фаина Борисовна Шполянская, 19-ти лет, и Евгения Лазаревна Жигалина, 21-го года. Юные большевички раскрытого в городе коммунистического подполья.

В казематах белой кутеповской разведки, что помещалось у здания «Астории» на нынешней улице Карла Маркса, методы дознания революционеров были совсем не хуже подобных мероприятий для контрреволюционеров в кроваво-красных подвалах ВЧК. А здесь еще национальность, чьи представители цинично расстреливали царскую семью. Прибавим возраст — такие юные и непреклонные, а значит, вконец испорченные большевистской заразой и неизлечимые. Очевидно, что все застеночные возможности девицам были отпущены сполна. Надпись на памятнике не голословна. Медаль имеет две стороны. Парадная — обозримая, приятно-выразительная. Оборотная, тайно-скрытная и коварно-неожиданная. Две улицы по-своему тихие и приятные у всех перед лицом. Покажет вам их каждый старожил. То, что стояло на холме, являлось медальным оборотом. Растоптанные надгробья, искалеченная стела, осколки бутылочного стекла известных алкогольных брендов «Medoff», «Nemiroff».

Все, что под ногами симферопольцев, имеет своих хозяев. За каждую пядь городской земли воюют, судятся, дерутся, дают взятки. А здесь вроде бы гектарное бесхозье. Хозяин, однако, есть — еврейская община города. Заботится о согражданах, организует детский отдых, раздает пайки, посылает мацу по праздникам.

Как-то настал момент, когда властители земли крымской из советских времен, известные вожди обкома партии, профессионально учуяв опасность

грядущих перестроечных времен, решили подвести итоги. Дабы себя не забыть и не быть людьми забытыми. Собрали по сусекам писателей-ученых и приказали. Писатели-ученые сказали «есть», мгновенно выполнив. Так появились «Очерки истории Крымской областной партийной организации». Только не ищите в разделе «Большевики Крыма в борьбе против Деникина и Врангеля» имен столь нарицательных для горожан — двух юных революционерок Жигалиной и Шполянской. На исторических страницах все более — вперед смотрящие партийные командиры.

Всемирный коммунистический манифест, который учили в советской школе, начинается угрюмо: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Что там две девчушки-комсомолки, революционерки, заведенные призраком не туда, где надобно быть в столь безмятежном возрасте… Заказчиков и ваятелей нашей партийной истории, конечно, можно уразуметь. Нельзя из солидного фолианта с победными реляциями и в красной праздничной обложке кроить траурный манускрипт, зная несметное число погибших на полуострове. Труднее понять радетелей из городской еврейской общины, да и не только их. Помнят и правильно говорят о жертвах холокоста. Но жертвы бывают разные. По обстоятельствам обреченные. А бывают сознательные, героические. За память о них сражаются, яростно и решительно, помня, что время в истории коварно во многих отношениях. Так принято у ответственных народов.

Грядущей весной случилось опять попасть на то же место. Было начало мая. Прозрачный свет лился из поднебесья на упокоенную землю. Щебетали птицы. Еще не выжженная солнцем сочная трава склонялась к каменным надгробьям, укутывая их. Зеленый изумруд покрова высвечивали, как капли крови, куртины столь редких ныне бордово-красных крымских пионов.

Симферополь.2008.